

Дженет Уинтерсон



Дженет  
Уинтерсон

---

Хозяйство света



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44  
У37

Серия «XX век / XXI век - The Best»

Jeanette Winterson  
LIGHTHOUSEKEEPING

Перевод с английского *Н. Поваляевой*  
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

В оформлении обложки использована картина  
Уильяма Тёрнера «Маяк Белл-Рок», 1819 г.  
Печатается с разрешения The Peters Fraser and Dunlop Group  
Ltd и The Van Lear Agency LLC.

**Уинтерсон, Дженет.**

У37      Хозяйство света : [роман] / Дженет Уинтерсон ; [пе-  
ревод с английского Н. Поваляевой]. — Москва : Изда-  
тельство АСТ, 2023. — 256 с. — (XX век / XXI век — The  
Best).

ISBN 978-5-17-133366-9

Весь мир погрузился во мрак для маленькой Сильвер, когда ее мать трагически погибла, сорвавшись со скалы. На призыв городской общины приютить осиротевшую девочку откликнулся лишь старый смотритель маяка Пью — слепой, как и его тезка — пират из «Острова сокровищ».

И теперь Сильвер живет у слепого Пью, в тесном домишке на вершине скалы. С наступлением темноты старик зажигает маяк, чтобы уберечь моряков от беды, и рассказывает малышке совсем не детские истории — о страсти и предательстве, о гордыне и смерти, о заблудших душах и заблудившихся моряках и, конечно же, о любви — исцеляющей и окрыляющей, прокладывая в ее душе тропинку к свету.

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-133366-9

© Jeanette Winterson, 2004  
© Перевод. Н. Поваляева, 2023  
© Издание на русском языке  
AST Publishers, 2023

*Деборе Уорнер*

*Большое спасибо Кэролайн Мичел,  
Марселле Эдвардс и всем в «Харпер Пресс».  
Искренняя благодарность Филиппе Брюстер,  
Генри Ллевелину Дэвису, Рэйчел Холмс и Зое Сильвер.*

Помни — ты должен умереть.

*Мюриэл Спарк*

Помни — ты должен жить.

*Эли Смит*





# ДВЕ АТЛАНТИКИ



Мама звала меня Сильвер.  
Я родилась благородным металлом  
с пиратской примесью.

Отца у меня нет. В этом нет ничего необычного — даже дети, у которых есть отцы, порой удивляются, лицезря их во плоти. Мой отец появился из моря и исчез там же. Он работал на рыбацком судне, которое нашло приют в нашей гавани однажды ночью, когда волны темным стеклом разбивались о берег. Расколовшаяся посуда выбросила его на мель, и он успел только зацепиться якорем за мою маму.

Косяки мальков боролись за жизнь.

Победила я.

Я жила в доме, врезанном в береговой откос. Ножки стульев пришлось намертво прибить к полу, а о спагетти на обед не могло быть и речи. Ели то, что прилипало к тарелке — «пастушью запеканку»,

гуляш, ризотто, омлет. Попробовали было горошек — сущее бедствие: до сих пор находим горошины, пыльные и зеленые, в углах комнаты.

Одни люди выросли на холмах, другие — в долине. Нас в основном воспитали на плоскости. Я же бросилась на жизнь под углом, и вот так жила с тех самых пор.

На ночь мама устраивала меня в гамаке, крестнакрест натянутом под сводом. Покачиваясь в мягкой власти ночи, я грезила о таком месте, где не нужно бороться с силой притяжения тяжестью собственного тела. Даже до входной двери нам с мамой приходилось добираться в связке, как паре альпинистов. Поскользнешься — и окажешься на рельсах вместе с кроликами.

— Ты домоседка, — говорила мне мама, хотя причиной скорее всего было то, что даже выход за порог оборачивался битвой. Когда другие дети слышали обычное напутствие: «Перчатки не забыл?» — мне доставалось: «Ты как следует застегнула ремни на страховке?»

Почему мы не сменили жилье?

Мама растила меня одна и зачала меня вне брака. В ту ночь, когда у нее ошвартовался мой отец,

замка у нее на двери не оказалось. Так что ее прогнали в горы, прочь из города, но вот забавно — теперь она могла смотреть на него сверху вниз.

Сольт. Мой родной городок. Выплюнутая морем, изгрызенная скалами, отделанная песком скорлупка. Да, и конечно — маяк.

Говорят, что если посмотреть на тело, можно что-то понять о жизни человека. С моей собакой все так и есть. Его задние лапы короче передних, потому что он постоянно зарывается с одного конца и загребает с другого. На ровной поверхности он ходит, слегка подпрыгивая, что придает ему веселости. Мой пес не подозревает, что у других собак все лапы одинаковые, с какого конца ни глянь. Если он вообще думает, то наверняка уверен: все собаки похожи на него, — а поэтому не страдает от мрачного самоедства человеческой расы, которая на любое отклонение от нормы взирает со страхом или осуждением.

— Ты не такая, как остальные дети, — говорила мне мама. — И если не можешь выжить в этом мире, лучше создай себе свой.

Эксцентричность, которую она приписывала мне, на самом деле была ее свойством. Это она терпеть не могла выходить из дому. Это она не умела

жить в мире, дарованном ей. Она так хотела, чтобы я стала свободной, и делала все для того, чтобы этого никогда не случилось.

Мы жили в одной связке, нравилось нам это или нет. Мы были партнерами по восхождению.

А потом она сорвалась.

Вот что произошло.

Ветер дул так, что мог бы снести с рыбы плавники. Настал последний день Масленицы, и мы вышли купить муку и яйца для блинов. Одно время мы держали собственных кур, но яйца укатывались прочь, а курам — единственным на свете — приходилось висеть на своих клювах, чтобы снести яйцо.

В тот день я радовалась, потому что подбрасывать блины у нас дома было просто здорово — из-за крутого уклона под нашим очагом этот ритуал становился настоящим джазом. Когда мама готовила, она всегда пританцовывала — говорила, что это помогает сохранять равновесие.

Стало быть, мама ушла наверх с покупками, а я тащилась за ней запоздалой догадкой. Затем, должно быть, какая-то новая мысль затуманила ей рассудок, потому что она вдруг остановилась и полуобернулась, и в этот миг ветер пронзительно

взвизгнул, а ее вскрик растаял, когда она оступилась.

Через мгновение она пронеслась мимо, а я повисла на одном из наших колючих кустов — наверное, на эскалонии, просоленном кустике, способном противостоять морю и ветру. Я чувствовала, как его корни медленно приподнимаются, будто открывается могила. Я вонзила носки ботинок в песчаный откос, но почва не подалась. Мы обе сорвемся, рухнем с обрыва в затемненный мир.

Держаться больше не было сил. Из пальцев сочилась кровь. И вот, когда я уже закрыла глаза, готовая падать все ниже и ниже, груз у меня за спиной, казалось, стал подниматься. Куст перестал шевелиться. Уцепившись за него, я подтянулась и вскарабкалась за него.

И посмотрела вниз.

Мама исчезла. Веревка бесполезно болталась вдоль скалы. Я наматывала ее на руку, крича:

— Мама! Мамочка!

Веревка струилась все быстрее и быстрее, обжигая мне запястье, кольцами ложась рядом. Вот и двойная пряжка. Вот и страховочная сбруя. Мама расстегнула ремни, чтобы спасти меня.

За десять лет до этого я выпала из пространства, отыскав канал ее тела и высадившись на землю.